

Театр Восточного предместья расположился на одноименном рынке. Место неплохое, вот только былой славы и былого размаха уже не вернуть. По сравнению с двумя самыми престижными театрами столицы — Гуанхэлоу и Гуандэлоу — здешнее убранство выглядело довольно убого и обветшало.

Чэнь Фушэн, следовавший за Бай Линъюнем, чувствовал себя неловко. Денег у труппы Шэнфубань было в обрез, а сам он не обладал ни хваткой, ни особыми талантами в управлении. Если бы не поддержка второго господина Цяня, боюсь, он не смог бы арендовать даже эту площадку.

Бай Линъюнь же относился к ситуации философски. Он прекрасно понимал положение дел в Шэнфубань: не то что в первоклассные театры вроде Гуанхэлоу или Гуандэлоу, даже в заведения второго или третьего разряда Чэнь Фушэн не смог бы пробиться. Вероятно, аренда Театра Восточного предместья стоила ему всех накоплений.

Второй господин Цянь, засунув руки в рукава, выдохнул облачко пара — сразу стало ясно, насколько в театре холодно.

— Господин Бай, как-никак, этот театр находится внутри города, не придется лишний раз возиться с пропусками, чтобы выбраться за ворота после представления. Предварительная продажа билетов уже открыта, и, надо сказать, результаты вполне сносные. Может, пока потеснимся здесь?

Бай Линъюнь кивнул и обошел зал. Это был типичный старый театр конца эпохи Цин. Квадратная сцена, выходы для актеров, ведущие в закулисы, низкие перила с трех сторон и столбы по углам, поддерживающие крышу с кессонным потолком — всё ради лучшей акустики.

Зрительный зал не стали переделывать под современные складные стулья. Вместо них стояли квадратные столы, к каждому из которых полагалось по четыре длинные скамьи. Места были расставлены с трех сторон. Партер прямо перед сценой назывался чицзо, боковые места — лянсян, а вдоль стен за ними стояли высокие деревянные табуреты, которые на профессиональном жаргоне именовали дацян.

На втором ярусе располагалось пять лож с деревянными окнами, а остальное пространство занимали лоуцзо — ряды деревянных столов и стульев. По бокам от них находились места, прозванные хоулоу.

При такой планировке зрители сидели лицом друг к другу, и, чтобы посмотреть представление, приходилось постоянно вертеть головой. Поэтому старые театралы говорили не смотреть оперу, а слушать ее. По словам деда, в былые времена того, кто обмолвился бы о просмотре, тут же подняли бы на смех как дилетанта — именно из-за этой особенности рассадки.

В современном Ваньцзине еще сохранились площадки старых театров, но после многочисленных реконструкций они превратились в современные залы и полностью утратили былой колорит. Бай Линъюнь прежде видел такие подлинные театры старого Пекина лишь на

фотографиях деда. Оказавшись здесь, он не только не почувствовал неудобства, но остался вполне доволен.

По мнению Бай Линъюня, официальный дебют можно было бы отложить на несколько дней. Во-первых, времени в обрез, подготовка слишком поспешная. Во-вторых, Ду Минъюэ сегодня вечером открывает в Гуанхэлоу трехдневный цикл премьерных выступлений. Его дапао — коронный номер, и даже если исполнение окажется посредственным, одна только вывеска с громким названием привлечет всех зрителей. Контраст между ними был очевиден.

Чэнь Фушэн тоже колебался: он не до конца понимал истинный уровень мастерства Бай Линъюня. Тот выступал слишком редко: за год в Шэнфубань выходил на сцену лишь раз, да и раньше, в Чуньхэтане, почти не показывался. А отзывы о его игре были на удивление единодушны: не до конца выложился. Это касалось обеих сторон: и актер пел не в полную силу, и зритель не получал должного удовольствия. Но если придраться к технике, то ошибок найти было невозможно. Вокал, пластика, грим — Бай Линъюнь был одним из лучших в театральной среде, но в его пении не хватало какой-то искры, что и мешало ему стать по-настоящему популярным.

После долгих обсуждений они так и не пришли к решению, поэтому Чэнь Фушэн позвал Цянь Эра. Услышав о планах Бай Линъюня, тот сразу отрезал: выступаем сегодня! Еще чего, упустить возможность заработать, а вдруг завтра этот артист передумает?

Цянь Эр выполнял роль агента труппы. В эпоху Китайской Республики от таких людей зависело многое: именно они решали, станет ли актер звездой первой величины. Театральные труппы старались не ссориться с агентами, поэтому Чэнь Фушэн не посмел спорить с его решением. Бай Линъюнь, подумав, тоже согласился. Он знал лишь основы правил театрального мира, а поскольку был здесь новичком, решил довериться опыту других.

Эффективность Цянь Эра поразила Бай Линъюня. Всего за два часа с момента принятия решения были согласованы репертуар, реклама, билеты и прочие мелочи. Бай Линъюнь невольно восхитился: с такой работоспособностью этот человек в его времени затмил бы любого топового продюсера.

При этой мысли он невольно вспомнил о своей прежней жизни. Существует ли он там до сих пор? А если да, то чья душа обитает в его теле? Бай Линъюня из этой эпохи или кто-то другой? От подобных размышлений в голове возникла путаница, и он поспешно отогнал эти мысли. Как бы то ни было, он жив, стоит здесь, и сейчас важнее всего сосредоточиться на настоящем.

— Почему не видно владельца театра?

Цянь Эр усмехнулся:

— Хозяин уже который день в Шанхае, говорит, поехал изучать устройство больших сцен.

Бай Линъюнь кивнул, не став расспрашивать дальше.

До начала оставалось полчаса. За кулисами царил беспорядок: труппа Шэнфубань слишком давно не давала таких серьезных представлений, а некоторые из молодых актеров и вовсе выходили на сцену впервые. Сегодня вечером Бай Линъюнь должен был исполнить Цзинь Юйну, о чем уже объявили в афишах.

— Сколько пришло зрителей? — он все еще не мог привыкнуть называть их завсегдатаями.

— Э-э... Пойдет, — ответил Дай Пэйчуань.

Бай Линъюнь, отряхивая руки от пудры, искоса взглянул на него:

— Человек двадцать набралось?

Дай Пэйчуань, теребя край одежды, прошептал:

— Вы как в воду глядели. Двадцать один.

— М-м, сойдет.

Дай Пэйчуань надул губы. Театр вмещал сто пятьдесят человек, а пришло меньше двадцати процентов. И после этого его старший товарищ говорит, что сойдет?! Не слишком ли он неприхотлив?

Чэнь Фушэн, стоявший поодаль, и вовсе пал духом. Вспомнив, что вложил в это дело все свои деньги, и взглянув на пустой зал, он почувствовал, что готов упасть в обморок.

— Второй господин Цянь, ну как же так... как же это...

Цянь Эр лишь отмахнулся, всем своим видом показывая, что ситуация под контролем:

— Да чего вы суетитесь? Погодите, вот увидите!

<http://bllate.org/book/19185/1883624>